

Прикосновение луча

Ольга Кучкина. "Високосный век". "Слово". М., 2002.

В тот день, когда пришла пора писать статью о стихах Ольги Кучкиной, в тот день, когда мне осталось дочитать последние стихи, вошедшие в книгу "Високосный век", вдруг неожиданно я услышала в моем сердце словно бы прикосновение луча. Не солнечного, не лунного, а духовного, не имеющего названия на земном языке, слышного, конечно же, как всякое дыхание духа любви.

В этот день я закрыла книгу "Високосный век", наполненную тем же почти неразличимым духовным дыханием.

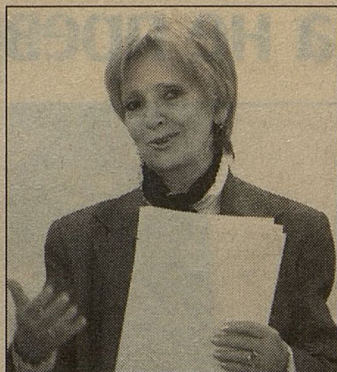
"Високосный век" — век поэта, он наполнен приметами времени и чувствами: весельем, печалью, бедой, любовью. К кому? К какому-то персонажу? Нет. Любовью к слову, исполненному смысла, выражающему драму и радость бытия. Но для того, чтобы выразить драму и любовь, нужна особая поэтика, в которой и господствует смысл, будь в стихотворении всего четыре строки или в десять раз больше. Смысл и форма сливаются в этом случае воедино.

Почему **високосный век**? Мы знаем, что високосные годы отличаются от обычных тем, что февраль в них длится чуть больше, чем в невисокосных. Бывает мнение, что високосный год сулит несчастье. А високосный век? Конечно же, это образ, символ некой полноты, насыщенности существования в его различных ракурсах, где пережитые боль и утраты влияют на восприятия жизни.

Ольга Кучкина, драматург, прозаик, публицист, стихи начала писать не так давно. Она поэт посткоммунистической России. Стихи ее боятся декларативности, риторики, восхвалений и прочих атрибутов поэзии доперестроечного времени торжества социализма. Ее лучшие вещи вызваны желанием постичь и выразить сложность причин и следствий живого, внешнего и внутреннего. При этом у нее легкий стих. Она вошла в поэзию, отказавшись от культуры подмен, так распространенной в нашей стране. Опьянение поэзией и стало результатом поисков смысла иного бытия. Что там — за завесой дня и ночи, что движет мной и тобой и где скрыта суть всего? Что же, значит, это философская лирика? — могут спросить меня. Да, многие стихи, призванные поэтом для того чтобы прикоснуться к смыслу явлений, к отблескам, вызванным духовным и душевным знаком проживания, принадлежат к философской лирике.

В променах

Созвездье Гончих Псов,
в пробоинах убойная улыбка,
совмещается заржавленный засов,
и высвечена небом жизнь-ошибка...



Ольга Кучкина бежит от банальностей. Вот ее "Пейзаж посткоммунизма":

Полудрема-полукома-полузона
полусонно
кулачками подтирает,
выпирает из пелли,
есть закон и нет закона,
что резонно — нерезонно,
беспримерно, беспризорно
жизнь валется в пыли.

Итак, "жизнь валется в пыли", а поэт, между тем, "каждый день беседует с пространством":

Я задаю вопросы, и ответы
пространны. И они престранны,
и простого — нету.
Теперь твержу
с упрямым постоянством,
что жизнь моя мной
до смерти любима,
и то, что я в ней постояльцем,
сейчас и мимо, меня смущает.
Мне в ответ молчанье...

Стихи 1994 года. Стихами 90-х годов начинается книга. Время новой России, время волюнты, раскованности. Мысль поэта касается, казалось бы, извечных тем: разлука, смерть, печаль, отчаяние. Но рядом с этим возникает чувство иного бытия — мимолетное, но драгоценное, а вместе с ним рождается желание познать стихом — что там, проникнуть куда нельзя, однако стихи могут стать неким инструментом, вскрывающим сущностное. "Беседовать с пространством" необходимо для поэта, если он стремится проникнуть за завесу.

Читая стихи 90-х, понимаешь, что российская почти бескровная революция августа 1991 года разомкнула мертвое пространство, и "пролились отворенные слезы". В этих стихах чувство времени автора раскрылось с наибольшей полнотой. Пространство разомкнулось, и в нем открылась новая реальность — Бог и сотворенный Им мир, который никому не удастся похитить.

Однако, как оказалось, еще не пришло время праздновать победу. Человеку, будь он поэтом или бухгалтером, не дано всегда быть победителем пространства, сотворенно-

го Богом. Христос сказал: "В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир" (Ин, 16, 33).

Ольга Кучкина пишет о духовной победе:

Но дух переводит себя через время,
берет на себя предыдущее время...

А когда бремя отбирается, место его занимает другое: радость любви.

Он меня любит. Простейшая вещь.

И отворяется огненная пещь,

птица дышит и куст опален

с неопалимо-купинных времен.

Он меня любит. Кончается век,

Век погорельцев, усталых калек.

Из-под опущенных с нежностью век

вижу, как Стихсом бредет человек.

Любовь врывается в жизнь поэзии, но поэзия верна себе, своему мироощущению. Не поэт, а стихи его первичны — поэт лишь записывает их. Так записывали все истинные поэты.

"Опьянение Божественным присутствием", о котором говорил афонский старец Иосиф Исихаст, не постоянно. Это — дар. Дар пребывания в ином духовном пространстве, оно и вызывает к душе поэта, словно требует его открыться. И здесь нужна особая работа — сосредоточенность для познания вечного блага жизни. Это прочитывается в стихах Ольги Кучкиной, как прочитывалось в стихах Бориса Пастернака, поэтическая приверженность автора которому несомненна.

Книга Ольги Кучкиной дала возможность сказать Владимиру Корнилову, узнавшему ее поэзию: "Она пришла и перевернула все мои представления о поэзии. Я думаю, что каждый поэт, если он настоящий, приходит и переворачивает наши представления. Если он не переворачивает, он во втором или третьем ряду".

...На творческом вечере в Доме архитектора зал замер, слушая, как Ольга читала стихи. Похвальные речи были не нужны, книги "Високосного века" быстро разошлись. А через несколько дней было написано новое стихотворение:

Пронеси эту чашу
с довольствием мимо меня,
пронеси эту чашу с довольством
куда как подальше,
я откажу прощу от любимой
разновидности фальши,
похвальбы и пальбы холодную,
без дрожи огня.

Роковая удача —
и прыгает сердце, как мяч,
и заходится разум за ум
от дурного блаженства,
я прошу не отнять
осознания несовершенства
и — как дара — пройти мимо
сытых ничемных удач.